

Интервью на острую тему

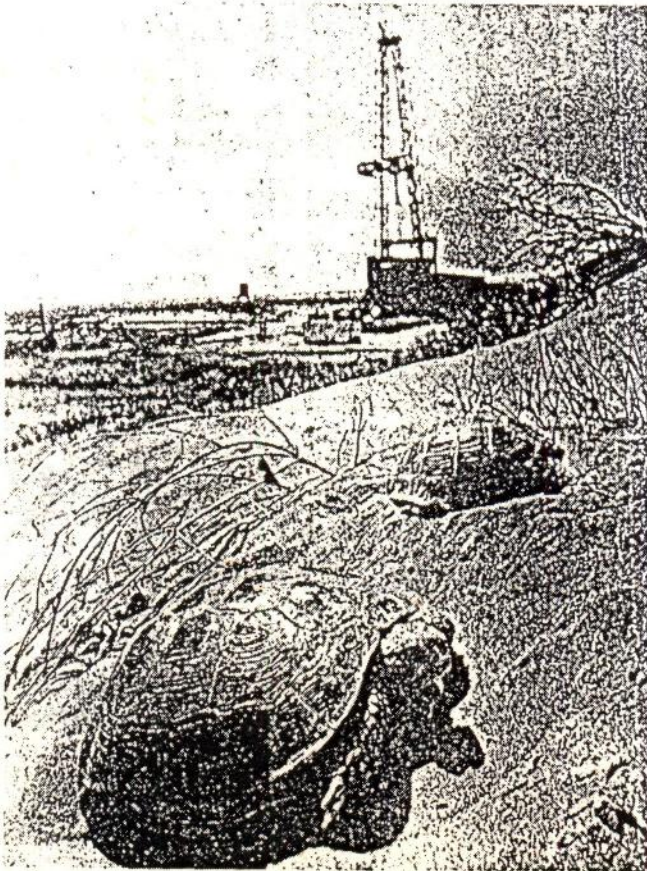
Появление нового министерства в нашей стране - наверное, самой "министерской" в мире - по меньшей мере должно настораживать. Или, что в данном случае точнее, - вызывать интерес. Беседу с первым в отечественной истории министром природопользования и охраны окружающей среды СССР профессором Николаем ВОРОНЦОВЫМ ведет корреспондент "Делового мира".

См. стр. 10

МИНИСТЕРСТВО ЭКОЛОГИИ

НАЧИНАЕТ И...

- Николай Николаевич, был Комитет по охране природы, который вы возглавляли, теперь, надо думать, вместо него министерство. В чем тут принципиальные отличия и необходимость такой трансформации?

- Препращение, о котором вы говорите, пока не произошло. Пока все министерство состоит из меня, можно сказать, министра-одиночки. Но это к слову. Тут дело времени.

- Теперь - об отличиях и побудительных причинах. Во-первых, мы, учреждая министерство с соответствующими полномочиями и функциями, подошли к международному стандарту, принятому в подавляющем большинстве стран. Аналогичные министерства там входят в привычный и обязательный набор - Министерство иностранных дел, обороны... Это понятно. Еще раз специально говорить о первостепенности и глобальности экологических забот, думаю, излишне.

Подтолкнули нас и другие внешние причины. Изменилась, например, к глубокому моему сожалению, Конституция СССР. У нас исчезло понятие союзных и союзно-республиканских министерств.

Далее. Ограничиваться в складывающихся условиях лишь контрольной функцией - неразумно. Наша новая функция - обеспечение рационального природопользования и охраны окружающей среды - фактически напрямую перенесена из дополнения к Конституции. Но ведь у нас природопользователем по сути дела является Кабинет министров, а также сами республики, объявившие о суверенитете и собственности на недра. Возникает вопрос: что же, и нам становиться природопользователями? Только в отличие от других - рациональными?

- Но это же прямое попадание в накатанную колею нашей министерской системы, когда природопользователи сами себя и контролируют

- Вот именно! Мы же понимаем свою задачу иначе. За нами должна быть разработка стратегии и тактики рационального природопользования, государственной роли за экологической охраной использования природных ресурсов и за этими ресурсами, включая рыбные, водные, лесные... Тут, кстати, есть определенный конфликт интересов. Ведь пользователи этих ресурсов до сих пор являются и контролерами.

С Госкомлесом у нас складывается взаимопонимание. Тому есть объективные причины. У нас лесная промышленность отделена от лесного хозяйства, которое занимается только восстановлением лесов и контролем. Но и здесь, к сожалению, 10 % заготовок приходится все же на санитарные рубки, которые ведет Госкомлес СССР. То есть опять-таки встречаемся с весьма сомнительного качества самоконтролем.

Сложнее с Минрыбхозом. Эта отрасль практически находится на полном самоконтроле. Отсюда - очень многие ее беды. И наш рыбный год...

Еще раз хочу подчеркнуть вопросы, которые должны быть сугубо нашими. Это проблемы долгосрочного природопользования. Стратегии, а не использования. Конкретное решение тактических проблем - оценка, экспертиза, проект с экологических позиций. Все контрольные службы - это наше дело.

- Мы давно убедились, что экологические проблемы не знают границ. И рациональное природопользование тоже мало что даст, если оно только в отдаленно взятом микро районе...

- Понимаю, о чем вы хотите спросить. Разумеется, проблемы рационального природопользования межреспубликанского и межрегионального уровня - тоже должны быть в нашей компетенции. Республики объявили суверенитет над своими природными ресурсами. Будем с ними вести диалог, спорить - насколько это разумно. Я лично в этом не убежден. Например, опыт США говорит о том, что иерархия собственности дает очень хорошие результаты. Федеральному правительству там принадлежит 33 % лесов, примерно такой же процент ископаемых. Кроме того, есть леса и ископаемые штатов, графств, частных лиц.

А как у нас? Возьмем нагляднейший пример. Открытие уникальнейшее месторождение нефти в районе Северного Каспия. Его разработка затруднена очень сложными горно-геологическими условиями. Пластовое давление до 200 атмосфер. Нефть высокосернистая. Технологически к освоению месторождения мы пока не готовы. Но топливный дефицит подстегивает. И обе республики, на территории которых простирается эта гигантская залежь, не очень-то расположены ждать... Как тут быть? Единственный разумный вариант - рассматривать месторождение как единый бассейн. Геологи, геофизики должны сказать - где и каким безопасным способом можно вскрыть залежь. Допустим, безопаснее будет вскрыть на территории РСФСР. Тогда надо просто договориться, чтобы часть добычи перечислять Казахстану. Такой же договор должен последовать, если освоение начнется с территории Казахстана - свою долю получит Россия.

Еще пример. У нас нас бже завести двухсотмильные зоны, зоны экономических интересов или поделить шельф Каспия между республиками. Это будет конец стаду осетровых рыб. Почему? Они нерестятся во взрослом состоянии в реках. В море вылавливают только неполовозрелых.

- Сейчас ловите - пожалуйте. Но тоже: стадо сегодня зашло в одну республику, завтра - в другую. Но стадо - одно. Значит, и здесь надо договориться. Например, так: каждой республике выделяется квота на вылов, а сумма

квот не должна выходить за некоторый предел, определяемый популяционной устойчивостью стада.

- Неужели нам трудно договориться о таких естественных вещах?

- В принципе - нет. Уже есть прецедент. Например, к нам обратилась Туркмения. У нее сегодня нет ни одной реки, впадающей в Каспий. Они просто не доходят до моря, пересыхают. Республика попросила разрешения на вылов осетровых. Мы, конечно же, разрешить этого не могли. Категорически! Но определенная доля - из Воаги, Урала или Куры... - ваша! Только при этом вы должны обязательно вкладывать деньги в рыбовосстановительные заводы.

Это все реальные вещи. Природа сама препятствует нашему разведению. Надо только уметь ее понимать, слушать.

Ваши последние слова провоцируют вопрос об общем подходе к проблеме экологизации нашей экономики, принципах, на которых он мог бы строиться. Хотя и здесь хотелось бы услышать больше ясного, конкретного.

- Попробую. Во-первых, мы многие десятилетия врали, что все экологические проблемы - только за рубежом. Когда в начале 70-х годов в США в "тамизате" вышла книга одного эмигрировавшего журналиста, скрывшегося под псевдонимом "Комаров", об охране природы в СССР, немедленно разразился жуткий скандал. Мир, до того уверяемый нашей пропагандой в экологической беспорядочности, ужаснулся варварскому отношению к природе. Но сегодня эта книга не произвела бы на нас никакого впечатления. Там нет и десятой доли того, что теперь широко опубликовано.

Но нельзя бросаться из крайности в крайность. У нас, например, 18 % суши и порядка 5 % от населения земного шара. Соответственно, сколь варварски мы ни обращаемся со своей природой, сколь ни загрязняем ее...

- Возьму на себя смелость договорить эту, уверен, неприятную для вас фразу: на наших бескрайних просторах еще достаточно чистоты, чтобы разбавить до среднего уровня выбрасываемую грязь.

- Как это ни дико звучит, пока это так. Примерно 45 % территории СССР - почти девственная природа. И знаете, почему еще мне страшно говорить об этом? У нас сразу - едва услышат, что где-то еще чисто, - сразу разыгрывается ведомственный аппетит на очередную гигантскую промышленную стройку.

А ведь сегодня такой порядок - дикость в квадрате! Вот вы спросили об отношениях экономики и экологии. Нести грязь в чистый район - дикость прежде всего экономическая. Недавно я побывал в Кении. Это, условно говоря, не страна первого мира. Но и далеко не слаборазвитая. За счет чего? Самая сильная статья доходов - экологический туризм. 22 % национального дохода! Охота за-

прещена вообще. Фотосафари, как выяснилось, куда выгоднее, чем традиционная охота.

И наш, можно сказать, контрпример: дискуссия о строительстве Катунской ГЭС. Его поддержали администраторы из горного Алтая, убежденные в том, что они истинные патриоты края. Они полагали, что со строительства ГЭС начнется новый этап развития. Сегодня уместно было посмотреть на вещи несколько иначе: а сколько мог бы иметь горный Алтай за счет нетронутой природы, за счет экологического туризма... может быть, жители края получили бы в этом случае более совершенную инфраструктуру.

- Николай Николаевич, приведенные примеры, помните, лишь подчеркивают отсутствие у нас цивилизованного порядка, регулирующего взаимоотношения экономики с экологией. Никаким просвещением не заменишь четкие, независимые от личностных позиций экономические механизмы, законы.

- К этому мы сейчас и перейдем. Начну с понятия экологической емкости. У нас были совершенно ложные приоритеты. Сырьевые отрасли, тяжелая промышленность, шахты, домы, громадные заводы-города. Чем ближе рудник к металлургическому гиганту, тем лучше. Экономисты радовались - "короткое плечо". А что на этом плече? Каково на нем природе, человеку? В итоге мы имеем, скажем, Норильск, Кривой Рог - рекордсмены по загрязнению воздуха. Но ведь для каждого региона, ландшафта есть некоторые предельные количества загрязнений, за которыми природа уже не способна к самоочищению. В

данной местности обладает определенной экологической емкостью.

Как должно использоваться понятие экологической емкости? Предположим, те же криворозцы решат в целях снижения экологической нагрузки от металлургии переориентировать часть жителей на новые профессии, построить ткацкую фабрику или завод для микроэлектроники. Можно это сделать? Можно. Но при условии, что суммарные загрязнения не выйдут за пределы экологической емкости.

Сейчас подготовлен проект Закона об охране природы. Его пока не пускают на Верховный Совет, потому что он радикален. Хотя, на мой взгляд, и не слишком. В нем мы предлагаем использовать зарубежный опыт и перейти не только на систему штрафов (это уже вчерашний день), а к экологическому лицензированию. То есть к продаже лицензий на право загрязнения среды. Звучит опять-таки дико. Тем не менее - очень действенная, проверенная на опыте ряда стран вещь.

Идя на такой порядок, мы создаем своего рода экологический рынок. То есть для каждой территории мы определяем допустимые...

во загрязнений - экологическую емкость. Допустим, для конкретного места определили ее на сегодняшний день в 100 тысяч тонн, через десять лет - 90, через двадцать - 80... Далее. Предприятие покупает лицензию. У кого? У местных Советов, у государства - в данном случае для нас неважно. Потом кто-то еще захотел там что-то построить. А все акции куплены. Сертификат находится у первого предприятия. Тогда второе предприятие может перекупить у первого право, скажем, на 40 тысяч тонн выбросов. Но при этом оно обязуется поставить первому предприятию такую технологию, которая бы уменьшила выбросы как минимум на эти 40 тысяч.

В итоге мы можем развивать экономику, индустрию, не ухудшая общее состояние среды.

- Картина вроде бы заманчивая. Но, во-первых, у нас из самых благих намерений и проектов часто получалось нечто диаметрально противоположное. А во-вторых, есть ли объективные возможности для оценки экологической емкости?

- Мы не случайно говорили о проекте закона. И он не случайно так медленно пробивает себе дорогу. Министерства-природопользователи в нынешнем их виде его очень не хотят. Закон есть закон. Это ответ на первый вопрос.

Оценка экологической емкости сложна, разумеется, очень сложна. Задумаете, очень много произвола. С чего он начинается? У нас есть многочисленные, как вы знаете, ПДК, ПДВ... Причем наши предельно допустимые нормы в ряде случаев значительно более жесткие, чем на Западе. Как не порадоваться! Но беда в том, что у нас нет приборов, которые могли бы надежно измерять эти нормы. Есть, например, допустимая концентрация - один миллиграмм на литр, а прибор меньше грамма не берет. В результате вся система контроля оказывается только на бумаге. Вдобавок каждый год появляются все новые и новые загрязняющие вещества.

Словом, до тех пор, пока мы не будем иметь средств очень больших! - на создании приборно-аналитической базы, на серьезных сдвигах рассчитывать не приходится.

- Николай Николаевич, разве нельзя использовать те службы контроля, которые были развиты, допустим, в рамках Госкомгидромета?

- Да, у него есть сеть аналитических лабораторий. Но она исторически складывалась совершенно по другим, не вполне подходящим для нас принципам. Скажем, когда-то здесь был дождемер, но там рядом поставили метеобудку. Затем, раз есть дождемер, решили определять здесь же выпадения кислотных дождей. Однако расположение пунктов этой сети соответствует контролю за погодой, никак не за загрязнением окружающей среды. Вся эта сеть дает, образно говоря, среднюю температуру по больнице, которая складывается

из 39,8 градуса в инфекционной палате и температуры morga. Подумайте, что нам дает средний уровень радиации? Человека должен интересовать уровень ее у подъезда дома, по дороге в школу, к булочной...

- Сегодня многие эксперты говорят, что без серьезной структурной перестройки всей нашей экономики мы не решим и своих экологических проблем.

- Полностью разделяю эту оценку. И все, что в наших силах и компетенции, пытаемся делать. Ищем для этого экономические механизмы, рычаги, вводим новые нормы... Но вы же все видите сами. Семьдесят лет плановой системы. План - закон. За план отвечают министерства. Наказывают, снимают до сих пор только за невыполнение плана. И де было еще ни одного случая, чтобы - за загрязнение природы. Это очень прочно сидит в системе, в людях. Даже рынок быстро ничего не изменит.

- Закон, технология, система контроля... Мы пока не говорили о еще одном могучем союзнике в решении экологических проблем - общественном мнении. Как вы относитесь к "зеленому движению" к возникающим в последнее время многочисленным фондам, союзам, ассоциациям экологического направления?

- К "зеленому движению" отношусь с большим уважением. Хотя не могу согласиться с максимализмом и экстремизмом некоторых его участников. Моя позиция основана на научной информации, экспертизе и взвешенных оценках. При нынешнем раскладе сил - это позиция центра. Но я очень хорошо понимаю, сколь необходимо для дела, которому служу, развитие "зеленого движения". Здесь ситуация вполне аналогична политической: реформы подталкиваются, ускоряются при высоком демократическом тоне.

То же самое могу сказать об отношении к другим общественным организациям экологического профиля. Были бы чисты помыслы и законы средства. А за кем будет успех - покажет время.

- "ДМ" желает вам, Николай Николаевич, и новорожденному, точнее, нарождающемуся министерству плодотворной работы на наше общее благо.

- Спасибо.

Беседу вел редактор отдела науки и экологии Александр СПИРИДОНОВ